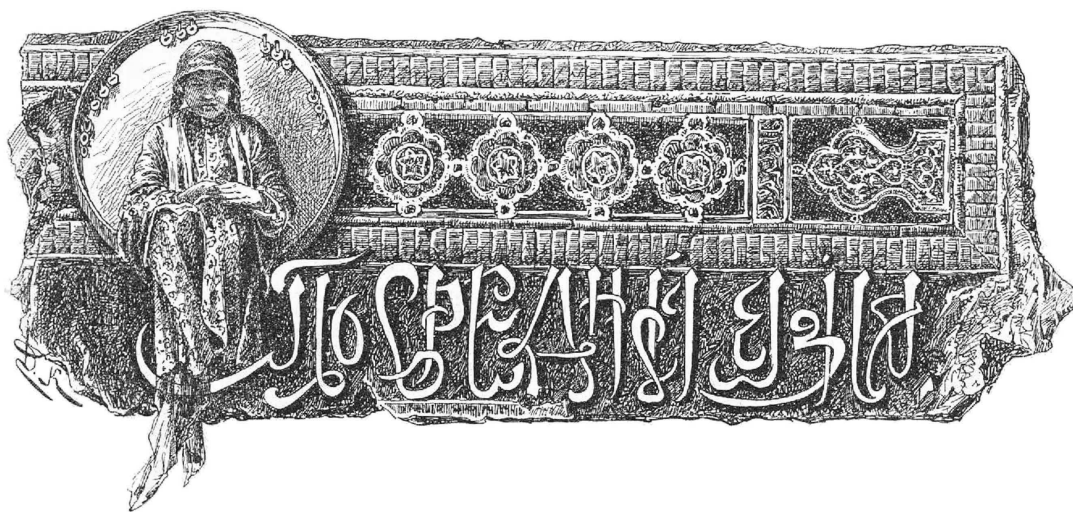

ЗАПИСКИ ХУДОЖНИКА

1887—1888.

ОТЪ БАКУ ДО ЧАРДЖУЯ.

Дервишъ.

писывая мои впечатлѣнія и наблюденія, я не буду прибѣгать къ какимъ бы то ни было источникамъ, не буду приводить выдержки изъ книгъ различныхъ путешественниковъ и ученыхъ, бывшихъ раньше меня въ этихъ краяхъ. Я опишу только то, что увижу самъ, и опишу такъ, какъ самъ понялъ и какою впечатлѣніе воспринялъ отъ увидѣннаго и пережитаго на мѣстѣ.

Но, прежде чѣмъ перейти къ Средней Азіи, хочется сказать нѣсколько словъ о восхитительномъ перѣздѣ черезъ Каспійское море. Это плаваніе было такъ хорошо, море было такъ чудно, что трудно воздержаться отъ воспоминаній о немъ.

Въ Баку стояла страшная жара. Перевравшись изъ гостиницы на пароходъ, можно было, даже находясь у раскаленнаго берега, свободно дышать морскимъ воздухомъ, хотя съ прибавленіемъ запаха нефти, и мечтать о скорѣйшемъ отплытіи въ море; хотѣлось поскорѣе уйти отъ этого горячаго берега, пропитаннаго и закопченнаго нефтью; хотѣлось отдохнуть отъ томящей жары; хотѣлось чувствовать ласку морского вѣтерка. Тяжело смотрѣть на эту обычную суетню подъ палящимъ солнцемъ у парохода, отходящаго въ море съ пассажирами и грузомъ. Тутъ спокойно сидишь, да еще на верху рубки, подъ прикрытіемъ тента — и то тяжело, душно; а каково

По Средней Азіи.

Текискій ханъ.

Кибитка-станціи.

этимъ несчастнымъ, что таскаютъ тюки и бочки, буквально обливаясь потомъ! Впрочемъ, носильщики (муши) — по большей части персы — народъ здоровый, сильный и веселый въ работѣ.

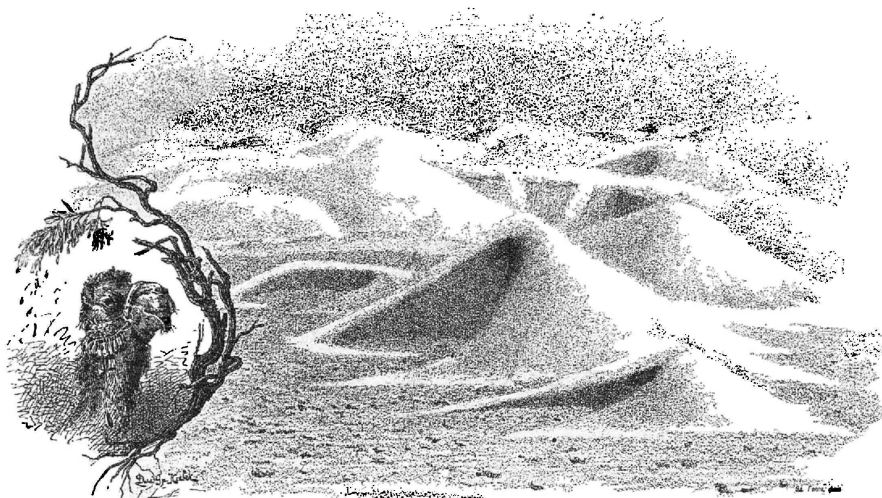
Наконецъ-то пароходъ наполнился, и грузомъ, и пассажирами. Звонокъ — и мы двинулись...

Боже мой, какая чудная вода въ Каспій! удивительно красивъ яркій зеленый цвѣтъ, не вѣрится, что вода его потеряетъ, если зачерпнуть ее въ сосудъ. А въ даль посмотришь — дивнаго цвѣта бирюза. Часами я смотрѣлъ за корму, любуясь этой сказочной красотой игры цвѣтовъ моря, мѣняющагося подъ колесами парохода. Въ этой бурлящей водѣ что-то чарующее. Въ морѣ чувствуешь себя немного легче, прохладнѣе, но именно — немного — при этой совершенной тишинѣ въ воздухѣ и палящемъ солнцѣ. Море — какъ зеркало, говорятъ обыкновенно; здѣсь это сравненіе не подходитъ: это не зеркало, а необъятной величины отшлифованная дивная бирюза. Мѣстами на поверхности воды плаваютъ нефть, переливаясь цвѣтами радуги, какъ темный перламутръ.

Ночь была тоже совершенно тихая и темная; синяя глубина неба густо усыяна ярко свѣтящимися звѣздами, которыя совершенно ясно отражаются въ морѣ. Свѣтлой ясной полосой тянется по небу млечный путь, тоже отражающійся въ водѣ. Не хочется ух-

«Муши» — носильщики.

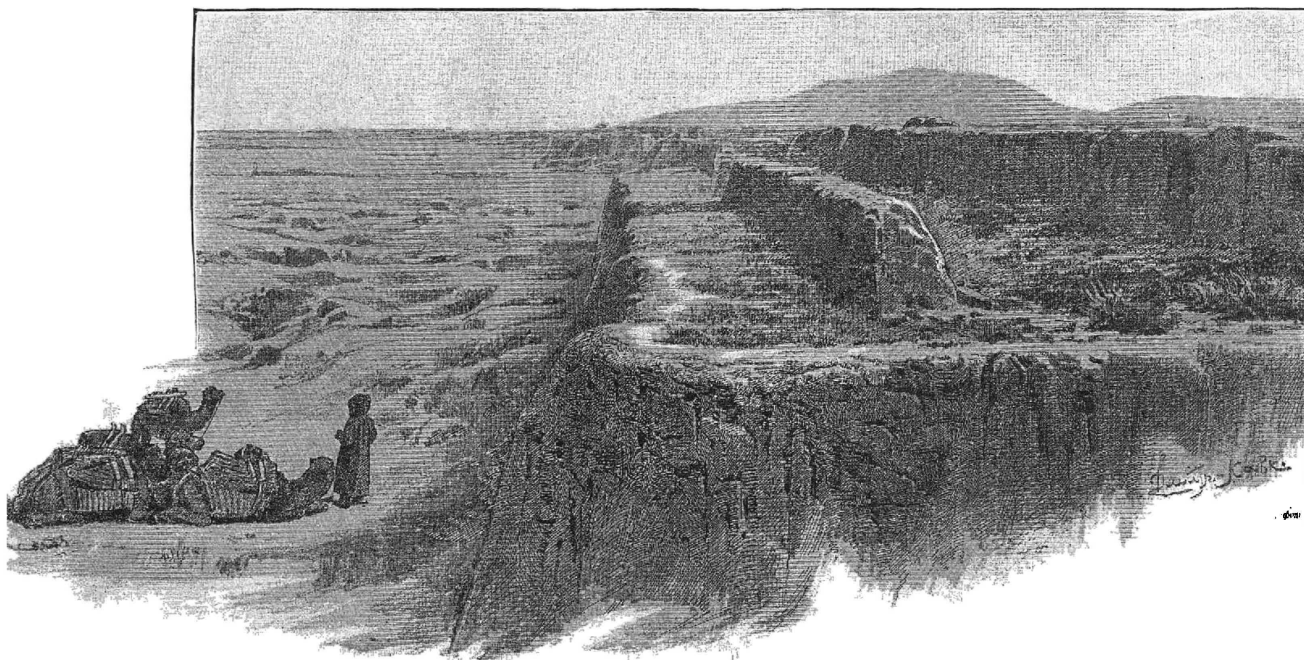

Барханы правильной формы и дерево саксаулъ.

дить спать. Я всю ночь провелъ на палубѣ. Сколько въ такую бессонную волшебную ночь переживается отжитаго! какъ въ такую ночь сухая работа ума сглаживается мягкими, святыми чувствами! Природа, обаятельно дѣйствуя на человѣка, поднимаетъ въ немъ все хорошее и умирять

дурное. Здѣсь находишь вѣрное средство пробудить въ себѣ лучшія стороны чело-вѣческаго существа, помятые и заглушенные столичной суетливо-мелочной жизнью. И какой это отдыхъ для души!... Какъ жалки столичные жители, не желающіе ничего знать, кромѣ своихъ большихъ городовъ, совсѣмъ забывшіе природу; а многіе изъ нихъ даже и не знали ея!...

Новая дивная картина—восходящаго горячаго солнца, заливающего своими раскаленными лучами безконечное пространство бирюзоваго моря. И хорошо, и страшно! Страшно, какъ бы это солнце, такое палящее вчера, не стало жечь сегодня еще съ большею силою. Тутъ на полномъ просторѣ, черезчуръ сильно чувствуется все величіе и вся сила этого свѣтила, дающаго вселенной жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ такого жгучаго.

Текинскія стѣны.

Текинский ханъ.

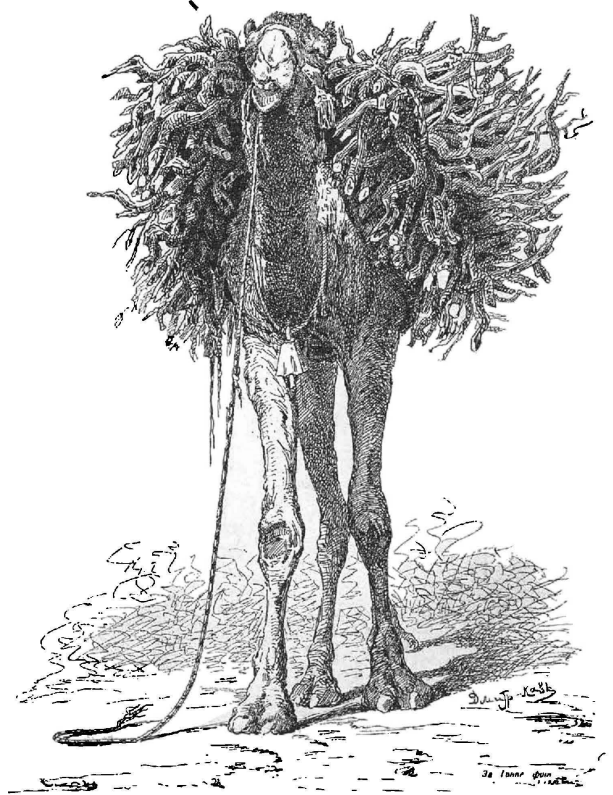

Гиманецъ для денегъ.

Оттуда, куда стремится нашъ пароходъ, чувствуется какое-то таинственное, горячее дыханіе. Чувствуешь, что вступаешь въ еще болѣе горячую полосу воздуха. Несмотря на то, что находишься въ морѣ, ощущается страшная сухость воздуха, отъ которой, кажется, начнетъ все лопаться. Солнце буквально жжетъ. Завиднѣлись монотонные, желтобурые, песчаные острова и такіе же берега. Жаръ все увеличивается. Подходимъ къ берегу Закаспійской области. Жутко... адское дыханіе въ воздухѣ. Причалили къ берегу Узунъ-Ада. Песокъ, песокъ и песокъ, по которому горячо ступать. Въ воздухѣ какая то мгла, солнце свѣтитъ неясно, небо грязное, раскаленное — ни тучки. Между песчаными буграми разбросаны какіе-то бараки, домики въ родѣ петербургскихъ плохенькихъ дачекъ: домики новенькіе, тесовые, некрашенные. Ни деревца, ни кустика, ни травинки — одинъ песокъ. Тутъ же, недалеко отъ берега, начинаются рельсы закаспійской желѣзной дороги. Вокзалъ — баракъ; кругомъ тоскливо, пустынно.

Направляясь теперь чрезъ Закаспійскую область къ рѣкѣ Аму-Дарьѣ безостановочно, я буду описывать путь до Аму-Дарьи слегка, мимолетно, только то, что будетъ бросаться въ глаза изъ оконъ вагоновъ, — тѣмъ болѣе, что назадъ буду возвращаться той же дорогой. На обратномъ пути буду имѣть еще возможность поговорить объ этихъ мѣстахъ.

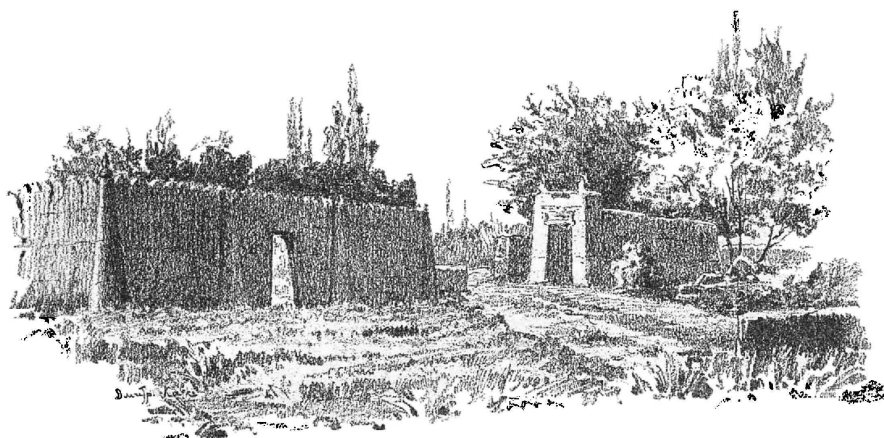
Двинулись дальше. Желѣзная дорога потянулась во внутрь песчаной пустыни, прорѣзая барханы, высота которыхъ доходитъ до 4-хъ — 5-тиэтажныхъ домовъ. Въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ начала линіи, дорога идетъ по узкой дамбѣ изъ камней и глины, по заливчику; потомъ ее окончательно охватываютъ песчаные барханы. Духота страшная, и какое-то скверное чувство подвластности этой подвижной песчаной пустынѣ. Малѣйшій вѣтерокъ — и всѣ эти барханы начинаютъ какъ бы оживать: вершина каждаго изъ нихъ курить, т. е. на вершинѣ каждаго бархана подымается струйкой песокъ кверху, совершенно какъ дымъ изъ трубы; при болѣе же сильномъ вѣтрѣ начинается такое движеніе песковъ, что пустыня превращается въ волнуемое море, бурно засыпающее все, что попадаетъ на встрѣчу. Барханы, эти горы песку, совершенно переходятъ съ мѣста на мѣсто. Въ тихое время эти барханы имѣютъ правильную форму конусовъ (см. рисунокъ на стр. 3) съ подковообразнымъ обрывомъ въ одну сторону (завѣтренная сторона); иногда эта правильность поразительна. И вотъ, двигаясь между

Верблюдъ, нагруженный саксауломъ.

Бухарскій солдатъ.

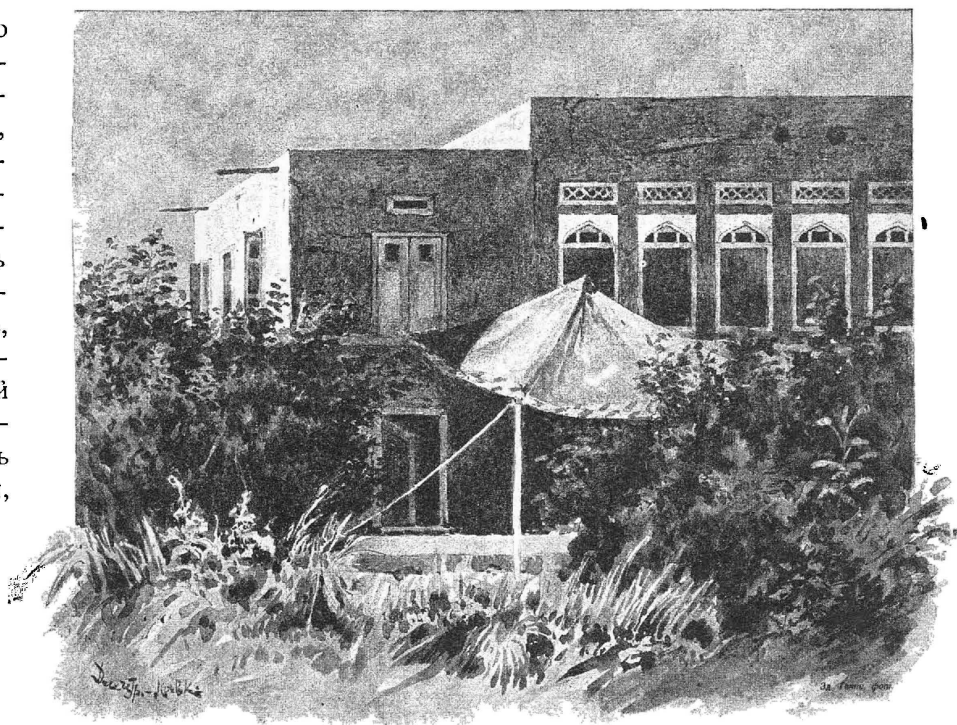

«Кала».

такими барханами, поражаешься существованіемъ этой дороги и тѣмъ дьявольскимъ трудомъ и энергіей, которые нужны были для ея проведенія. Теперь ѣдешь въ вагонахъ, и ужасъ охватываетъ; каково же было созидать этотъ рельсовый путь? Невольно начинаешь преклоняться передъ

неутомимостью, съ которой генералъ Анненковъ со своими железнодорожными батальонами пересѣкалъ эти страшныя пустыни, гдѣ прежде гибло столько людей и верблюдовъ. Вѣдь сколько наши войска страдали въ этихъ пескахъ во время текинскихъ и хивинскихъ походовъ, и сколько здѣсь погибло верблюдовъ — тяжело вспоминать! А теперь мы съ комфортомъ вагонной ѣзды почти перелетаемъ эту пустыню.

Перерѣзавъ пески, дорога идетъ по безконечной равнинѣ, покрытой мелкими камешками, съ кос-какой пучковатой, выжженной растительностью. По правую сторону дороги тянется хребетъ совершенно голыхъ, безъ всякихъ признаковъ растительности, горъ странной формы, своеобразно изборозженныхъ потоками весеннихъ водъ. Дальше видны ахаль-текинскія укрѣпленія изъ глиняныхъ, поражающей толщины стѣнъ (см. рисунокъ на стр. 3), у которыхъ пролито столько русской и текинской крови. Теперь эти укрѣпленія пусты, полуразрушены. А вотъ на громадномъ степномъ пространствѣ разбросаны какія-то большія глиняныя тумбы; это отдѣльныя укрѣпленія для двухъ-трехъ человѣкъ, изъ которыхъ текинцы отстрѣливались. Все это отжило и переходитъ въ будущую сказку. Вотъ и Мервъ, но не тотъ древній, историческій Мервъ, а современный, русскій, съ русскими домами, русскими войсками, жителями, магазинами, гостиницами и т. п. Окрестно-

Домъ-дворецъ чарджуйскаго сада.

Киплаки на границѣ пустыни.

не видно. Приѣхавъ въ Мервѣ, я узналъ, что здѣсь генералъ Анненковъ, котораго мнѣ нужно было видѣть и который остановился у начальника мервскаго округа Алиханова. Генералъ Анненковъ любезно встрѣтилъ меня и предложилъ далѣе ѣхать вмѣстѣ; онъ же познакомилъ меня съ инженеромъ С., который пригласилъ остановиться у него на тѣ дни, которые генералъ пробудетъ въ Мервѣ. Къ вечеру пришелъ кавказскій джигитъ съ приглашеніемъ отъ Алиханова на обѣдъ. Подполковникъ Алихановъ, этотъ герой закаспійскій, среднихъ лѣтъ, стройный, бравый мужчина съ интеллигентнымъ лицомъ и съ кавказскимъ гостепріимствомъ; онъ производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Онъ здѣсь по-

сти этого русскаго Мерва населены текинцами. У вокзала Мерва прежде всего обдастъ пріѣзжаго невѣроятной пылью; пыль лежитъ толстымъ слоемъ и при движеніи извозчиковъ и арбъ, вся подымается въ воздухъ и тогда трудно дышать и ничего

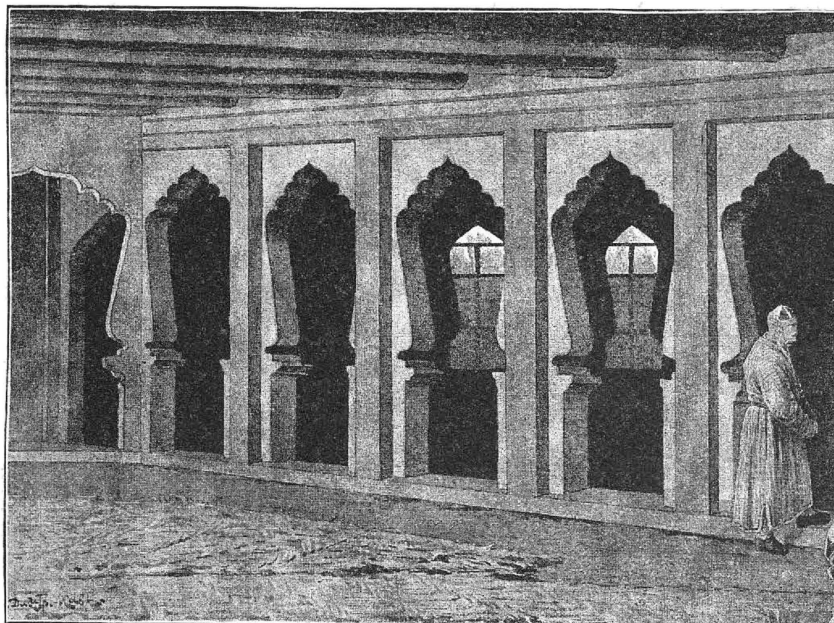

Сартъ.

«Чигирь».

строилъ себѣ прекрасный домъ, развелъ садикъ, который выходитъ на улицу, и у воротъ котораго разбита бухарская палатка для нѣсколькихъ членовъ текинцевъ-милиционеровъ. Алихановъ пользуется у текинцевъ большою популярностью, какъ человекъ храбрый, одной вѣры съ ними (мусульманинъ) и знающій ихъ языкъ. Обстановка у Алиханова полуазиатско-европейская, съ прекрасными громадными коврами и азиатскимъ оружіемъ. Въ кабинетѣ нѣсколько шкафовъ съ книгами.

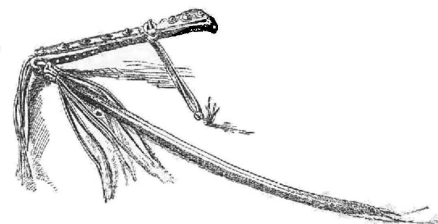
Арки чарджуйскаго дворца.

За обѣдомъ были въ числѣ прочихъ гостей два текинскихъ хана въ кавказскихъ черкескахъ съ русскими офицерскими погонами (см. рисунки на стр. 1 и 4). Между прочимъ, за обѣдомъ кто-то спросилъ одного изъ хановъ, какого онъ мнѣнія о Бухарѣ, и тотъ съ довольно игривымъ выраженіемъ лица отвѣтилъ: «Бухара — это кокетка въ объятіяхъ Россіи». Обѣдъ прошелъ оживленно и весело; потомъ перешли съ кофе на террасу и дыша свѣжимъ ароматнымъ воздухомъ сада, освѣщеннаго яркой луной, засидѣлись до поздней ночи, увлекшись разсказами милаго хозяина о быломъ этого края.

При отъѣздѣ изъ Мерва генерала Анненкова провожали несмѣтныя толпы текинцевъ. Это была чрезвычайно живописная картина. Поѣздъ двинулся подъ звуки оркестра мѣстнаго стрѣлковаго батальона. Теперь — до бухарскаго города Чарджуя, стоящаго въ 10-ти верстахъ отъ р. Аму-Дарьи, на лѣвомъ берегу.

Еще нѣсколько словъ о закаспійской желѣзной дорогѣ. Такъ какъ эта дорога военная, то всѣ кондуктора и вообще желѣзнодорожная прислуга — солдаты желѣзнодорожныхъ батальоновъ; начальники станцій и высшее желѣзнодорожное начальство — офицеры; полиція на станціяхъ или, вѣрнѣе, жандармы — кавказскіе казаки съ нагайками. По всему этому закаспійская желѣзная дорога производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, нежели всѣ другія русскія дороги. Большинство станцій уже имѣетъ каменные красивые вокзалы, нѣкоторые изъ нихъ даже съ бассейнами, изъ которыхъ бьетъ высокою струей въ горячій воздухъ фонтанъ; вода проведена изъ ближайшихъ горъ; это производитъ чрезвычайно отрадное впечатлѣніе. Но есть и такія еще станціи, гдѣ жутко становится за служащихъ, помѣщающихся почти въ шалашахъ или кибиткахъ (см. рисунокъ на стр. 2); эти несчастные буквально жарятся немилосердно: вѣдь лѣтомъ жара доходитъ до 55° по Реомюру.

По пути отъ Мерва къ Чарджую попадаются мѣстами цѣлые лѣса саксаула, этого курьезнаго растенія на границахъ оазисовъ и пустыни.

Текинская плеть.

Дерево саксаулъ (см. рисунки на стр. 3 и 4) имѣетъ видъ скорѣе кустарника съ изящно висящими вѣточками, покрытыми мясистыми иглами вмѣсто листьесвѣ, какъ пустнаго цвѣта. Этотъ кустарникъ-дерево вышиною надъ поверхностью земли въ сажень, много полторы, но зато собственно весь штампъ дерева — въ почвѣ, и тамъ онъ дѣйствительно и по виду, и по величинѣ — дерево съ чрезвычайно корявой поверхностью и съ причудливо изогнутыми отростками, переходящими въ корни. Чтобы срубить дерево, его

надо сначала отрыть. Саксаулъ интересенъ еще тѣмъ, что можетъ расти въ сыпучихъ пескахъ, питаясь подпочвенной влагой. Для человѣка въ этихъ пустыняхъ саксаулъ — драгоценная защита и охрана отъ поступательнаго движенія песковъ. Къ несчастію, это полезное растеніе сильно уничтожается на топливо, ибо здѣсь нѣтъ другаго горючаго матеріала. Есть еще здѣсь кустарниковое растеніе, борящееся съ песками, — гребенщикъ, тоже безлистное, напоминающее своими иглами хвою.

Приближаясь къ Чарджую, приходится нерерѣзать еще одну пустыню песчаныхъ бархановъ, которые во время вѣтровъ не разъ заносятъ полотно желѣзной дороги и дѣлаютъ остановку поѣздовъ, требующихъ расчистки.

Какой рѣзкій переходъ: кончилисъ пески, и сразу открывается заселенный зеленый оазисъ съ садами и поѣвками. Потянулись кишлаки (поселки) бухарцевъ (см. рис. стр. 6). Всѣ дома, сарай, стѣны дворовъ — глинобитные. Пошли поѣвмы хлопчатника, джугуры (сорго), люцерны. Бросается въ глаза отсутствіе сѣнокосныхъ луговъ, которые замѣняются зелеными четырехугольниками поѣвковъ люцерны. Поѣздъ идетъ, прорѣзая кишлаки. По обѣ стороны дороги полуразвалившіеся дома, отчужденные подъ полотно желѣзной дороги; нѣкоторые изъ нихъ въ разрѣзѣ, такъ что видны дворы, комнаты, печи, амбразуры въ стѣнахъ.

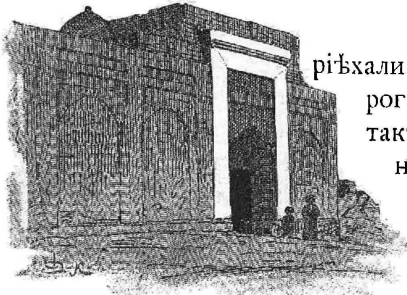

Одна изъ комнатъ чарджуйскаго дворца и части ставни.

Чирчикъ.

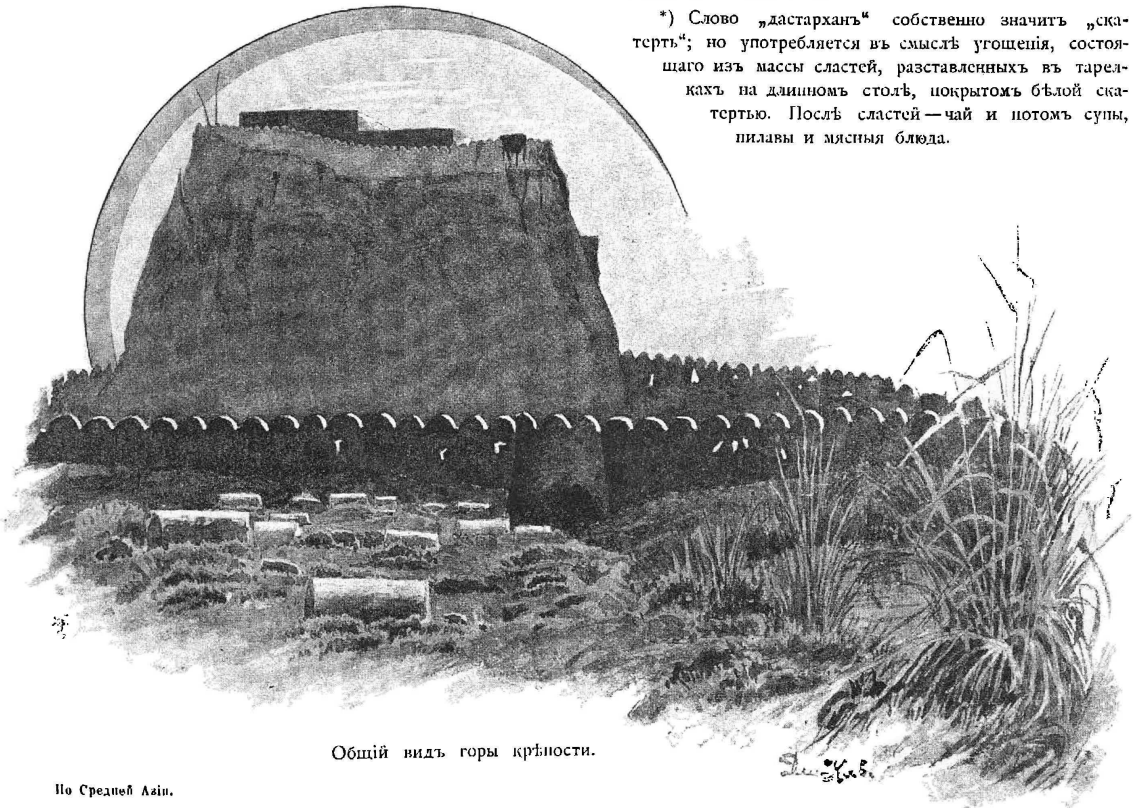
ЧАРДЖУЙ. МЕЖДУ САРТАМИ.

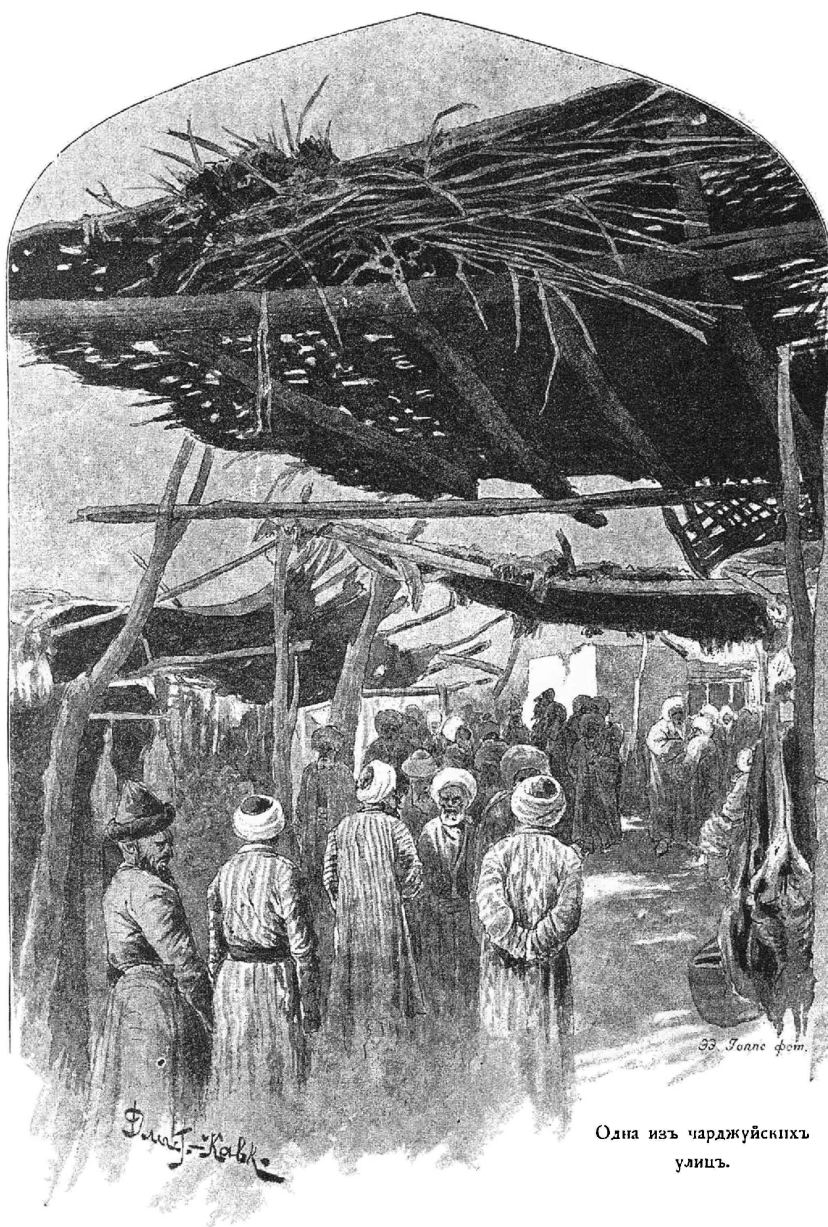
приехали въ Чарджуй. Самого города отъ полотна желѣзной дороги не видно за садами кишлаковъ, его окружающихъ. Это, такъ сказать, пригородъ. Остановились у площади, обнесенной невысокими стѣнами и засѣянной люцерной. У полотна желѣзной дороги въ стѣнѣ проломъ, чрезъ который и направились всѣ, во главѣ съ генераломъ Анненковымъ, къ высокимъ зубчатымъ стѣнамъ сада. У маленькой калитки взводъ бухарскихъ солдатъ отдалъ подъ русскую команду

честь генералу. Какъ отрадно было послѣ такого переѣзда вступить въ большой тѣнистый садъ!... Въ этомъ саду, принадлежащемъ эмиру, находится полузаброшенный пустой дворецъ, который и отвели въ полное распоряженіе генерала Анненкова на время постройки желѣзной дороги самаркандскаго участка. Теперь здѣсь бекъ чарджуйскій дѣлаетъ парадную встрѣчу генералу. У главной аллеи — небольшой прудъ, обсаженный вербами, около пруда — большой возвышенный четырехугольникъ изъ кирпича и глины со входными ступенями; надъ нимъ во всю его величину разбиты красивыя бухарскія палатки съ громадными наметами, которые чрезвычайно живописно отходятъ въ стороны, держась наружными краями на косо поставленныхъ древкахъ. Все это цвѣтисто расшито съ внутренней стороны. Полъ весь застланъ громадными бухарскими паласами. Во всю длину этой открытой палатки — столъ, густо уставленный всевозможными азіатскими яствами. Это дастарханъ *) въ честь пріѣзда генерала. Здѣсь былъ бекъ со своей свитой; вся эта группа имѣла очень блестящій видъ. Во все время да-

*) Слово „дастарханъ“ собственно значить „скатерть“; но употребляется въ смыслѣ угощенія, состоящаго изъ массы сластей, разставленныхъ въ тарелкахъ на длинномъ столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью. Послѣ сластей — чай и потомъ супы, пилавы и мясные блюда.

Общій видъ горы крѣпости.

Одна изъ чарджуйскихъ
улицъ.

стархана играла военная бухарская музыка, по правдѣ сказать, довольно таки скверная. Послѣ дастархана поѣхали на Аму-Дарью. Въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ берега — конечная станція желѣзной дороги съ кирпичнымъ домомъ для служащихъ. Подошелъ я къ берегу, и охватило меня грустью какой-то. Мутная быстрая Дарья очень широка въ этомъ мѣстѣ; чуть-чуть виденъ другой берегъ; на берегу, совершенно плоскомъ, — пусто: двѣ-три кибитки да какой-то шалашъ изъ различного хлама, около котораго наваленъ кучами всякій кочевой переселенческій скарбъ; какіе-то люди въ неопредѣленныхъ костюмахъ, но въ военныхъ потасканныхъ фуражкахъ съ красными околышками; бабы, дѣти, и все это такъ безпріютно на открытомъ воздухѣ; кругомъ — ни одного жилья; вдали

нѣсколько сакль туземцевъ. Это первая переселенческая группа русскихъ людей въ этомъ мѣстѣ — уральцы, пришедшіе изъ бывшихъ хивинскихъ владѣній, изъ-подъ теперешняго русскаго городка Петроалександровска, куда они были высланы съ Урала много лѣтъ назадъ за непослушаніе мѣстнымъ властямъ. Теперь всѣ они прекрасно говорятъ по хивински и рыбачатъ по Аму-Дарьѣ. Народъ бывалый, что называется, прожженный. Почти всѣ старовѣры, а потому народъ трезвый и относительно не бѣдствующій: Тутъ же на берегу лежатъ верблюды съ тюками хлопка. Вода въ Дарьѣ почти въ уровень съ берегомъ, почва котораго — дѣсь, легко подмываемый водою.

Въ Чарджуѣ я поселюсь на болѣе или менѣе продолжительное время. Здѣсь озна-